

Вдовствующая императрица Не, облаченная в простое бледно-лиловое летнее одеяние без драгоценностей из золота и нефрита, величественно восседала в своем паланкине с фениксами. Ее пронесли сквозь Врата Личжэн, и паланкин тут же оказался у главного зала. Путь был настолько короток, а носильщики бежали так быстро, что многие слуги, едва прибывшие во временный дворец Цзянцзо, невольно начали шептаться. Лишь сама вдовствующая императрица Не оставалась бесстрастной, словно ничто в подлунном мире уже не могло всколыхнуть покой в ее душе.

В ее лоне зрел плод, ставший надеждой всей Великой династии Ци. Пользуясь особым дозволением, вдовствующая императрица Не не покинула паланкин даже перед резной императорской лестницей главного зала. Обойдя ее сбоку по боковым ступеням, носильщики подняли владычицу на самый верх — так что ей пришлось пройти пешком куда меньше, чем самому Шэнь-цзуну.

Ныне над входом в главный зал красовалась табличка с названием «Зал Рассуждения о Письменах», что прямо указывало: сегодня здесь собрались на совет гражданские чиновники.

Большинство придворных перебрались в Цзянцзо вслед за Шэнь-цзуном еще два месяца назад, сразу после того, как Ше Цзе получил по голове упавшим с неба Небесным камнем. Благодаря этому они успели благополучно отбыть из Юнцзи до того, как варвары совершили свой стремительный марш-бросок и ворвались в столицу.

Оставшись без этих болтливых чиновников, чей единственный талант заключался в умении чесать языком, Юнцзи избежала бессмысленного, обреченного на провал сопротивления. Благодаря этому уцелела большая часть простого люда. Горожане спаслись от ужасов осады — этого земного ада без капли воды и крошки хлеба, а также от кровавой бойни, которую варвары наверняка устроили бы в отместку за оборону. Конечно, жертв избежать не удалось, но их число свели к минимуму.

Тогда Шэнь-цзун упрямо настоял на своем, пожелав отправиться в Цзянцзо вместе с Великой старшей принцессой-покровительницей государства, чтобы навестить Ше Цзе. Старые сановники тыкали в него пальцами и в один голос поносили за глупое ребячество: подумаешь, Туньэр Ше лишился чувств от удара по макушке, стоит ли поднимать такой шум?

Однако стоило им уехать, как следом в столицу хлынули орды варваров. Осознав, что лишь чудом избежали гибели, вельможи прикусили языки.

Разумеется, среди них нашлись и неисправимые мечтатели, которые все еще ворчали сквозь зубы. Эти умники свято верили: останься они в столице, варварам ни за что бы не взять город. В своих мыслях они винили Великую старшую принцессу-покровительницу государства в падении Юнцзи, малодушно закрывая глаза на то, в каком плачевном состоянии находилась оборона. Как могла размякшая, утопающая в чиновничьем болоте столица сдерживать натиск сильного и свирепого врага? Неужто с помощью пустых речей да планов на бумаге?

Но дальше мысленных стенаний дело не шло: они смертельно трусили, ведь именно эта

«виновница» сейчас проливала кровь на передовой, защищая их никчемные жизни.

Под одной крышей собрались лучшие умы империи, образованнейшие мужи государства, но ругались они так, словно торговки на базаре. Шэнь-цзун не мог призвать их к порядку, да и не больно-то хотел. Порой, когда они принимались засучивать рукава и лезли с кулаками друг на друга, император просто со стороны наблюдал за потасовкой, лениво поплеывая семечками. Про себя он лишь хмыкал: драки книжников — зрелище на редкость унылое. Половина земель империи уже потеряна, а у этих господ откуда-то берутся силы на бесконечные склоки.

Да и предмет их споров порой заставлял усомниться в их здравомыслии.

Вот как сегодня, например.

Буря разразилась из-за депеши, которую сегодня утром доставил из Префектуры Интянь срочный гонец с золотой табличкой от Великой старшей принцессы-покровительницы государства.

Ее содержание привело в ярость тех советников, которые давно втайне точили зуб на Вэнь Тянь. Причиной гнева стали вовсе не дурные вести с фронта, а... одно-единственное слово, которым принцесса назвала себя.

Вэнь Тянь от природы отличалась нравом простым и вольным. Детство, проведенное в глуши, и долгие годы суровой армейской жизни приучили ее к простоте, так что обычное вежливое «я» уже казалось верхом ее изящества. Когда же принцесса распалялась, из нее так и сыпались крепкие словечки вроде «твоя мать» или «твой дед». И для нее это было в порядке вещей.

И надо же было такому случиться, что в сегодняшнем донесении она выразилась в своей привычной манере.

Из-за этого придворные мужи затеяли несусветный спор.

Палата ритуалов и этикета подала прошение:

— Мужчинам и женщинам, пред лицом достопочтенного владыки предстающим, надлежит именовать себя подданными али рабынями, дабы соблюсти взаимное соответствие. Ныне мужи из императорского рода, дядья да ближние сановники величают себя "подданными", посему и принцессе по всем законам приличествует зваться "вашей рабыней". К тому же домашний этикет негоже переносить на государственные дела. Просим повелеть, дабы от Великой старшей принцессы и ниже все особы женского пола в своих донесениях именовали себя рабынями сообразно их титулам.

Смысл сего велеречивого послания сводился к простому: Великая старшая принцесса-покровительница государства обязана называть себя перед государем не иначе как «ваша

рабыня», а ежели она этого не делает — это неслыханная дерзость.

Женщины Великой Ци действительно приучены были звать себя «рабынями» или «ничтожными служанками», и в этом не видели ничего предосудительного. Беда заключалась в том, что еще основатель династии, Тай-цу, во всеуслышание заявил: мои внуки никогда не станут унижаться до подобных слов. Вэнь Тянь — это Вэнь Тянь, и другой такой нет. При правлении Тай-цзуна никто, разумеется, и пикнуть не смел о том, как его дочери надлежит величать себя в письмах. Лишь при кротком Жэнь-цзуне чиновники осмелели и завалили трон жалобами. Но император, хоть и отличался мягкосердечием, в обиду старшую сестру не дал. Он лишь изящно обошел преграды, изменив закон: отныне принцессы нашей династии пользовались особым правом не называть себя рабынями в официальных донесениях.

Сменивший его Вэнь-ди, а за ним и Шэнь-цзун свято чтили этот указ вплоть до сего дня.

Шэнь-цзун же попускал крикунам шуметь лишь потому, что для него самого тут и спорить было не о чем. Сестра вольна называть себя как ее душе угодно. Да пусть она хоть отцом его величает, это касается только их двоих! А эти зануды просто суют нос в чужие дела, аки собаки, ловящие мышей.

Все дебаты чиновников были чистейшим сотрясанием воздуха — император не собирался уступать ни на пядь.

Понимая, что в словесной дуэли ему не одолеть этих почтенных мужей, оттачивавших искусство склоки десятилетиями, Шэнь-цзун терпеливо выжидал. Он ждал, пока спорщики окончательно выбьются из сил, чтобы затем явить свою монаршую волю и одним махом закрыть вопрос, застав их врасплох.

Но прежде чем этот миг настал, в зале появилась вдовствующая императрица Не.

Вдовствующая императрица Не разделяла отношение Ше Цзе к этим книжным червям, которые когда-то превратили ее покойного супруга в безропотного святошу. Она питала к ним глубокое, произвольное отвращение. И теперь, услышав, как они упускают из виду главное ради пустых, никчемных препирательств, вдовствующая императрица Не преисполнилась ярости. Гнев ее был столь велик, что она без лишних церемоний пинком распахнула двери зала.

От неожиданности пухлый Шэнь-цзун едва не скатился со своего трона.

Вдовствующая императрица Не сощурилась, ее тронутые темной помадой губы изогнулись в жесткой, почти угрожающей усмешке. Она окинула притихших вельмож холодным взглядом и, воздержавшись от брани, ледяным тоном спросила:

— И что же? Ежели императорская принцесса назовет себя рабыней, это поможет нашему войску вернуть утраченные земли? Или, быть может, заставит варваров сложить оружие?

В зале воцарилась гробовая тишина. Что бы сейчас ни ответили сановники, любой ответ вел в ловушку.

Никто никогда не видел прежде кроткую и тихую вдовствующую императрицу Не столь грозной. Никому и в голову не могло прийти, что она способна на такое. Ее собственный отец, стоявший неподалеку от Фан Чаоцы, ошеломленно хлопал глазами, растерянно поглаживая седую бороду.

«Неужто это моя дочь? Та самая девочка, которая раньше боялась повысить голос, дабы никого не испугать?»

Не Сянжун когда-то славилась в Юнцзи как утонченная поэтесса: она слагала стихи, писала картины, искусно играла на цине и знала толк в чае. Ни одна дева из знатных семей не соответствовала изысканному вкусу покойного Вэнь-ди лучше, чем она.

Но теперь от прежней благовоспитанной девицы не осталось и следа.

Тишину нарушил Фан Чаоцы. Облаченный в парадное одеяние с закругленным воротником с квадратной сердцевинкой, он сделал шаг вперед и громко произнес:

— Приветствуем вдовствующую императрицу!

С этими словами он первым склонил колени.

Словно очнувшись от наваждения, остальные чиновники повиновались общему порыву и дружно повалились ниц вслед за ним. Зал запестрел склоненными спинами. Пусть даже речи вдовствующей императрицы Не граничили с дерзостью, пусть она была лишь слабой женщиной, в ее чреве покоилось дитя покойного Вэнь-ди — признанный Шэнь-цзуном будущий наследник престола. И если не ради самой императрицы, то ради ее будущего младенца они обязаны были выказать глубочайшее почтение.

Однако всегда найдется упрямец, готовый пойти наперекор здравому смыслу ради мнимой справедливости. Один из вельмож так и остался стоять, задрав подбородок, всем своим видом показывая: пусть ты и императрица, но коли не права — я молчать не стану.

— Как может вдовствующая императрица уподобляться простой деревенской бабе и столь бесстыдно врываться в залы совета? — высокомерно бросил он.

На самом деле он жаждал выкрикнуть совсем иное: женщине негоже совать нос в дела государственные! Неужто решила уподобиться У Чжао и заставить курицу петть вместо петуха?

— Коли так, пускай господин У объяснит мне, по какому такому этикету подданный смеет стоять пред государыней? — спокойно парировала вдовствующая императрица Не.

Благодаря молчаливой поддержке Фан Чаоцы, сделавшего первый ход, любое неповиновение теперь выглядело как тягчайшее преступление, за которое упряму пришлось бы расплачиваться головой.

Но господин У недаром провел полжизни в словесных баталиях. Оказавшись в невыгодном положении, он все же упрямо процедил сквозь зубы:

— Врываться без доклада — вот истинное непочтение к Гуаньцзя! Он приходится вам дядей, а вы попираете сыновний долг, глумясь над его милостью!

Шэнь-цзун решил, что пришла пора вмешаться. Он уже открыл было рот, дабы заявить, что ничуть не обижен, и попросить не впутывать его в эту свару.

Однако договорить император не успел. В следующее мгновение лицо вдовствующей императрицы Не исказилось. Едва державшая верх в споре с господином У, она внезапно почувствовала резкую судорогу внизу живота. Повинуясь материнскому инстинкту, она тут же обхватила живот руками. Кровь ее любимого Шоуи должна уцелеть любой ценой!

Внезапная мучительная боль и выступивший на ее лбу холодный пот не были притворством. Даже господин У оторопел от страха. Неужели вдовствующая императрица столь хрупка, что занемогла от обычного спора?

Фан Чаоцы среагировал мгновенно. Он поднялся с колен и твердым голосом скомандовал охране:

— Живо! Перенесите государыню в боковые покои! Немедленно позовите придворного лекаря Хэаня и повитух!

Повитух?!

Неужто роды? Прямо сейчас? В эту самую минуту?

Шэнь-цзун окончательно растерялся.

Пока во дворце разворачивалась драма, Ше Цзе, пребывая в полном неведении, дулся на собственную матушку.

Он так долго ждал, так надеялся, и наконец-то получил весточку, которую принцесса тайно переслала вместе со срочным гонцом. Но содержание письма его совсем не порадовало. Послание матушки было предельно коротким и ясным:

«Слушайся меня! Не смей дурить! Держись ближе к Чаоцы, иначе я вернусь и шкуру с тебя спущу!»

Ше Цзе только безмолвно раскрыл рот.

«Да этот Фан Чаоцы точно обольститель лисий! Какие чары он напустил на матушку? Сглазил ее, не иначе?!»

Стоявший подле него старый управляющий усадьбы сокрушенно вздохнул и принялся уговаривать:

— Раз уж сама принцесса так считает, может, вам стоит... кхм... стерпеть малую обиду ради великого покоя? Сделать шаг назад, дабы узреть чистую лазурь небес?

— Стерпеть?! Да чем дольше терпишь, тем сильнее злость берет! А шаг назад... Да пошел ты со своим шагом к чертям собачьим, а-а-а-а!

<http://bllate.org/book/19472/1984724>